

СЕРГЕЙ ОЛЬДЕНБУРГ

БУДДА

ЖИЗНЬ, ДЕЯНИЯ
И МЫСЛИ
ВЕЛИКОГО УЧИТЕЛЯ

Сергей Ольденбург

**Будда. Жизнь, деяния и
мысли великого учителя**

«Центрполиграф»

2016

УДК 294.3
ББК 86.35

Ольденбург С. Ф.

Будда. Жизнь, деяния и мысли великого учителя /
С. Ф. Ольденбург — «Центрполиграф», 2016

ISBN 978-5-227-06602-2

Биография основателя буддизма Будды Шакьямуни написана, выдающимся востоковедом, одним из основателей русской индологической школы, автором многочисленных трудов по истории, религиям, искусству Востока, академиком Сергеем Федоровичем Ольденбургом (1863–1934).

УДК 294.3

ББК 86.35

ISBN 978-5-227-06602-2

© Ольденбург С. Ф., 2016

© Центрполиграф, 2016

Содержание

Предисловие	6
Введение	7
Глава 1	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Сергей Ольденбург
Будда
Жизнь, деяния и мысли
великого учителя

© «Центрполиграф», 2016

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2016

* * *

Предисловие

В подавляющем числе фактов жизнь человечества представляет печальную и грустную картину, конечно, если рассматривать ее таковой, какова она в действительности, не предаваясь обманчивым иллюзиям. Среди узкоэгоистических стремлений, среди беспощадной борьбы за существование совершенно исчезают присущие нравственной стороне человечества стремления к идеалу любви и солидарности между людьми. Но, к счастью для человека, среди этого мрака зла и эгоизма, как спасительные маяки, разливающие свет в ночной темноте, время от времени являются люди, отдающиеся всецело служению человечеству и побеждающие в себе эгоистические стремления. Эти люди так или иначе пытаются направить человека на забытый им путь к правде, воскресить в нем веру в покинутый им идеал любви. Как люди, они, конечно, могли ошибаться и попадать на ложный путь в достижении истины, но это не умаляет их заслуг как двигателей развития человеческой мысли и пробудителей человеческой совести. К таким людям принадлежал и Шакьямуни, религиозный реформатор Индии и основатель религиозно-философского учения. Предметом предлагаемого биографического очерка и будет описание жизни и деятельности этого мудреца древности. Приступая к описанию его жизни, мы должны сказать, что воспользуемся при этом только строго историческими фактами, отбросив все вымыслы и чудеса, которыми в изобилии снабдила жизнь великого учителя плодovitая и пылкая фантазия его ревностных последователей и которые заставляют сомневаться в существовании Шакьямуни как исторического лица. Но сомневаться в историческом существовании Шакьямуни нет повода, хотя, конечно, того Шакьямуни, о котором идет речь у буддистов, никогда не могло быть в действительности.

Для уяснения той среды, в которой приходилось жить и действовать Шакьямуни, и во избежание сносок и отступлений при изложении очерка его жизни и учения мы посылаем по возможности полное, по крайней мере в деталях, касающихся жизни и учения индусского мудреца, изложение социального, политического, морального и религиозного быта Индии до Шакьямуни. Считаем это тем более необходимым, что, как это будет видно, учение Шакьямуни является логическим развитием господствовавших в Индии до него философско-религиозных доктрин.

Введение

Краткий очерк социального и политического быта Индии до Шакьямуни. – Религия, мораль и философия Индии до Шакьямуни

Со времен глубочайшей древности Индия привлекала к себе внимание всех народов. В их воображении эта страна с ее роскошной растительностью и почвой, скрывающей в своих недрах неиссякаемый источник плодородия и неисчислимые сокровища, казалась земным раем, полным таинственных чудес. Еще в эпоху, о которой сохранились в истории одни лишь смутные сведения, сюда проникли арийцы, впоследствии принявшие название индусов (что значит «синий», «смуглый»). И, постепенно покорив черных аборигенов страны, выработали здесь в продолжение тысячелетий свою своеобразную цивилизацию.

Климатические и физические условия Индии сильно влияли на развитие культуры арийцев. Помимо туземцев, арийцам приходилось здесь бороться с могучей природой Индостана, и бороться с неодинаковым успехом – местами одолевал человек природу, местами сам покорялся ей. Величественные горные хребты, громадные реки, непроходимые леса и болота – рассадники губительных болезней, джунгли, подобные лесам, засухи, наводнения, разного рода дикие кровожадные звери и, наконец, сам климат страны, жаркий и знойный, – все это препятствовало успешной культуре страны. Но в конце концов человек, хотя и с громадной затратой сил, оказался победителем, он выработал свою культуру, довел ее до известной степени совершенства, но на этой степени и остановился, подавленный созданными самим же им религиозными и нравственными воззрениями.

Героическую эпопею этой борьбы арийцев с природой страны и с подобными себе и постепенное покорение шаг за шагом последних первыми можно проследить по древнейшим литературным памятникам, принадлежащим Индии, – Ведам и Законам Ману. Веды представляют произведения целых веков и поколений. Существенные элементы их принадлежат глубочайшей древности, по крайней мере в своих первоначальных частях. Эти произведения состоят из собрания гимнов, полных живой и детски наивной поэзии, хотя местами и монотонной. По ним легко можно представить себе картину религиозной и социальной жизни арийцев той эпохи, когда они только что оставили свое прежнее отечество и жили по берегам Инда, не распространяясь на восток и юг страны, и когда образ их жизни отличался простотой нравов патриархального быта, еще не знавшего позднейшего разделения на касты и сословия. Этот период истории арийцев называется ведийским.

Кодекс законов, известный под названием Законы Ману, рисует нам картину следующей эпохи истории арийцев – периода «браминского». Законы Ману по степени важности и значения для религиозной и социальной жизни арийцев занимают первое место после Вед. В них собраны все постановления, определившие и установившие все отношения религиозной, политической и общественной жизни индусов. По этим двум памятникам мы и попытаемся представить картину быта арийцев до Шакьямуни.

Первоначальной единицей арийского общества, как и всех других древних патриархальных обществ, была семья. Семья находилась под абсолютной властью отца, – отец был ее царем, судьей и жрецом, но при всем своем абсолютизме он не был личным владыкой семьи, а только воплощением или представителем ее прав и обязанностей. Доблести и подвиги каждого отдельного члена семьи распространялись на всю семью, за все его проступки и обязательства отвечала также вся семья.

Семья была неделима и, будучи многочисленной, оставалась тем не менее одним юридическим лицом, а ее имущество – земля и прочее – общим и нераздельным, под управлением отца, обязанности которого после его смерти переходили к сыну.

Развиваясь из семейства, всякое патриархальное общество существовало на принципе кровного родства. Этот принцип, как мы увидим далее, особенно строго применялся у арийцев. В патриархальном обществе все взаимные отношения, права и обязанности были основаны на факте действительного или предполагаемого происхождения от одного общего предка, и, разумеется, если к такому обществу примыкали почему-либо люди чуждого рода, то они не пользовались правами и преимуществами родственных членов, за исключением случаев усыновления. Подобное присоединение чуждого элемента положило начало социальной дифференциации, разделению общества на сословия.

Когда и как случился у арийцев переход от патриархального быта к быту с определенным государственным устройством, трудно точно сказать – уже издавна из среды арийского общества стали выделяться семьи, на которых лежали известные обязанности. Исполнение этих обязанностей переходило от отца к сыну и считалось наследственным, а со временем эта наследственность получила и религиозную санкцию. Вследствие этого арийское общество постепенно разделилось глубокими пропастями на четыре сословия, или касты: касту жрецов, или браминов (чистых), касту воинов, или кшатриев, касту вайшьев, или ремесленников, купцов и земледельцев, и касту шудр. Последняя каста образовалась из покоренных народов и составляла самую многочисленную часть народонаселения Индии; этим народам арийцы в противоположность себе дали название «млечча» – «нечистые» (слово «ариец» означает «благородный»).

Желая сохранить чистоту крови своего племени и опасаясь, что вследствие своей малочисленности они могут быть легко поглощены массой покоренных народов, арийцы строго исполняли законы, касающиеся подразделения на касты. Во всяком обществе, во всяком государстве существовало и существует неравенство между людьми. Везде к естественным неравенствам прибавляли еще искусственные. Повсюду сильные притесняли и притесняют слабых, но нигде это неравенство не имело такого строгого, резкого, систематического характера, как у индусов.

Законы, касающиеся каст, простирали свою строгость до того, что предписывали смотреть на членов низших каст как на существа нечистые – прикосновение их к кшатрию или брамину оскверняло последних и требовало очищения. Особенно строго применялся матримонийный закон, повелевавший брать жену только из своей касты, – брак признавался законным только между членами одной и той же касты. Дети, родившиеся от принадлежавших к различным кастам родителей, считались ниже животных и назывались «чандалами».

По Ману, происхождение каст и их обязанности объясняются следующим образом: брамины были созданы из уст Браммы, верховного существа, кшатрии – из его рук, вайшьи – из бедер, шудры – из ног. Сообразно этому происхождению, обязанности брамина заключались в проповеди священного слова, и его прирожденными нравственными качествами были умеренность, непорочность, терпение, мудрость; обязанности кшатрия заключались в охране общества, и им присвоены были слава, отвага, великодушие и добрая нравственность; обязанности вайшьи – в производстве жизненных продуктов; шудры – в служении трем высшим кастам. Члены трех первых каст назывались «дважды рожденными», потому что при достижении юношеского возраста над ними совершался торжественный обряд принятия и посвящения в касту, что считалось вторым рождением. Посвящение состояло в торжественном возложении священного шнура, отличительного признака высших каст. Этот шнур надевался через левое плечо поперек груди. У шудр подобного шнура не было. Брамины носили шнур хлопчатобумажный, кшатрии – сделанный из волокон конопли, и вайшьи – шерстяной. Таким образом, мы видим, что по законам Ману не только власть и уважение, но даже сами добродетели распределены между людьми неровно и являются привилегией двух высших каст; мы видим, что самые возвышенные из добродетелей представляют неотъемлемую собственность браминов, самые блестящие из них принадлежат кшатриям. Что же

касается низших каст, то они, собственно говоря, не обладают добродетелями, а только обложены повинностями: вайшьи должны обрабатывать землю и ходить за скотом или промышленять, шудры же – исключительно служить высшим кастам. Впрочем, вайшьи имели и более возвышенные обязанности – благотворительность, приношение жертв, чтение священных книг; у шудр же, низведенных на последнюю степень унижения, не было даже и этих обязанностей.

Подобный социальный порядок вначале благоприятствовал развитию жизни арийского общества как в умственном, так и в политическом отношении; культура страны достигла высокой степени развития, но с течением времени тот же порядок парализовал дальнейшее ее развитие – она развилась настолько, насколько допускали пределы, положенные религией. Мы уже упоминали, что социальный строй индусского общества основывался на религии, а так как религия везде рассматривается как нечто постоянное и неизменяемое, то и основания социального быта, построенные на религиозных началах, являлись неизменяемыми. В самом деле, цивилизация индусов, насколько она выражается в успехах умственной жизни народа – в успехах науки, философии и искусства, остановилась на пределе, указанном религией. Сдерживаемые тесными рамками религиозных догматов, наука и философия погрузились в дебри отвлеченных вымыслов, а искусство, не имея простора, необходимого для творческой фантазии художника, нашло себе исход в изображении чудовищных фантастических форм. Оно отличалось мистическим характером – символика преобладала в живописных, скульптурных и архитектурных произведениях. Музыкальное искусство, очень любимое этим кротким и меланхолическим народом, было единственным, пожалуй, избегнувшим влияния религии, чего нельзя сказать о поэзии. Поэзия была очень развита у индусов; в ней преобладали эпические и лирические произведения, отличающиеся глубоким чувством; многие дорогие человеческому сердцу привязанности, а также человеческая скорбь изображаются в них в высшей степени трогательно. Но и на поэтические произведения религиозное влияние наложило свой глубокий отпечаток.

По свидетельству греческих историков, Индия за шесть-семь веков до Р. Х. представляла следующую картину политического и культурного состояния: в это время в Индии уже было множество богатых и больших городов, принадлежавших более или менее обширным и могущественным государствам с деспотическим правлением или бывших самостоятельными республиками.

Чтобы дать понятие о городах и городской жизни того времени, мы приведем здесь поэтическое описание одного из таких городов: «... три широкие, всегда чисто содержимые улицы, выровненные по шнуру, тянулись во всю его длину. Дома, построенные один возле другого, окружались светлыми дворами, длинными колоннадами и великолепными террасами. Над домами горожан, подобно горным вершинам, возвышались купола дворцов. В разных местах города виднелись площади, парки с прудами и прекрасные сады. Высокие насыпи и глубокие рвы окружали его отовсюду. В его стенах, обложенных разноцветными камнями, наподобие шахматной доски, сделаны были крепкие ворота с прочными запорами. На гребне стен стояли лучники на страже „у смертоносного оружия“. Улицы города были полны движения: по ним постоянно ходили и ездили множество чужеземцев, послы иностранных государств, купцы со слонами, лошадьми и повозками. Из домов неслись звуки тамбуринов, флейт и стройного пения; воздух был напоен курящимися благовониями, запахом цветов и жертвенных приношений. По вечерам сады и парки наполнялись толпами гуляющих, а на портиках собирались молодые люди и девушки для веселых танцев».

Из государств того времени наиболее значительными были Кошала (современный Ауд), занимавшая плодородные поля по берегам реки Сараджаны, и Магадха, нынешний

Бихар. Цари Кошалы имели свое пребывание то в древней столице Аджадхии, то в новой – Шравастии. В конце VI века в Кошале правил царь Прасенаджати.

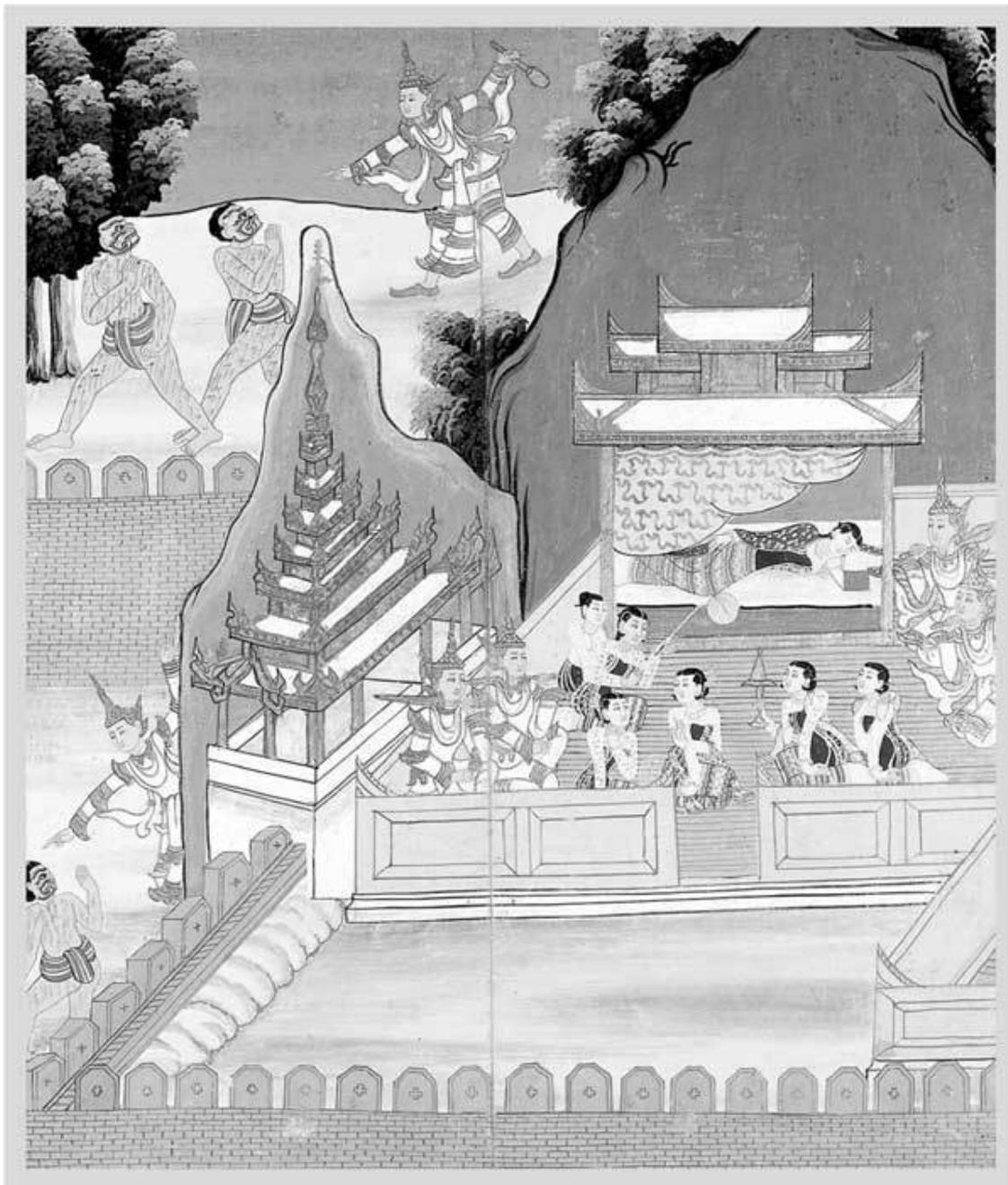
В Магадхе столицей был город Раджагриха (царский дом). Он был расположен к югу от современного города Патна; развалины Раджагрихи до сего времени служат местом паломничества буддистских пилигримов. Магадха была самым могущественным и обширным владением того времени; она простиралась от Бенгальского залива и Брахмапутры до Бенареса. На юге ее границей были Виндийские горы, а с севера – Гималаи. В Магадхе при Шакиямуни царствовал Бимбисара, вступивший на престол в 603 году до Р. Х.

Из менее важных государств назовем царство Каши, лежавшее около нынешнего Бенареса, тогда называвшегося Варанаси, страну Малласов с городом Кушинагара и город Вайшали, торговую республику.

Исторические памятники той эпохи рисуют блестящими и роскошными красками картину жизни привилегированных классов – царей, вельмож, браминов, кшатриев.

Золотая и серебряная домашняя утварь, великолепные шелковые одеяния, вытканые золотыми нитями, оружие, отделанное драгоценными камнями, составляли неизбежную принадлежность той жизни. Роскошные дворцы царей и вельмож утопали в тенистых садах, в которых свежесть поддерживалась множеством прудов, покрытых бесчисленными лотосами – священными растениями, символом производительных сил природы. Эти лотосы поражали своей красотой зрение и наполняли воздух благоуханиями. Вне города цари и вельможи имели обширные парки, куда они выезжали великолепными кортежами на лошадях или слонах, и здесь, в тиши и удалении от городского шума, в тени магнолий и пальм, наслаждались весельем и отдыхом от забот правления. Гаремы царей и вельмож были многочисленны: кроме двух или трех главных жен, у них обыкновенно было множество наложниц, и рождавшиеся дети часто отдавались на попечение разом нескольких кормилиц. Бесчисленное множество разного рода служащих – медиков, астрологов, танцовщиц, музыкантов, фокусников и других находилось при дворах царей и вельмож.

Благодаря этой роскоши жизни привилегированных классов промышленность и торговля сильно развились. По стране беспрестанно двигались торговые караваны; по ее дорогам постоянно тянулись целые вереницы нагруженных товарами верблюдов, слонов, быков, ослов и даже людей. Наиболее распространенными товарами были разного рода предметы роскоши – шелковые ткани, сандаловое дерево, драгоценные камни, духи и проч. Торговцы из жажды барыша часто решались даже пускаться в открытое море, например посещали остров Цейлон, и между купцами встречались обладавшие несметными сокровищами. Торговыми операциями занимались преимущественно вайшьи – это была, как мы знаем, их прямая обязанность по Законам Ману, но тот же Ману разрешил заниматься торговлей и браминам, чем последние пользовались, являясь опасными конкурентами вайшьям ввиду того, что брамины не обязаны были платить какие-либо подати или повинности. Но все предметы роскоши, циркулировавшие в торговле и промышленности, потреблялись только высшими классами; на остальной массе лежала исключительно обязанность доставлять средства высшим классам для приобретения этих предметов роскоши, и в то время как высшие касты в роскоши блестящей внешней жизни находили хотя бы временное утешение и забвение от давивших все индусское общество религиозных воззрений, народная масса находилась в самом жалком положении поголовного рабства, подавляемая двойным игом: государственным и религиозным. Тем не менее народ с кротостью переносил свою плачевную судьбу и строго выполнял все то, что требовали от него нравственные правила и религия, к изложению сущности которых мы сейчас и перейдем.

Царица Майя видит вещий сон перед зачатием сына

Религия индусов представляла собой идеалистический пантеизм и отличалась крайним мистицизмом. Идеализм, созерцательность и фантазия были издавна свойственны нравственному и умственному складу арийского племени. Арийцев не удовлетворяла грубая и прозаическая действительность окружающей их жизни, «они стремились к иному идеальному миру», и их пылкая, проникнутая глубокой поэзией фантазия населила весь мир богами и обоготворенными героями. Агни – бог огня; Индра – царь неба – воинственный и грозный бог, вокруг которого группируются Маруты, не менее грозные боги молнии и урагана, сыновья бога Рудры, покровителя; Вишну, Брахамати и многие другие боги составляли пантеон арийских божеств в период воинственной жизни арийского племени, когда оно нуждалось в защите грозных и воинственных богов. Кроме обоготворения природы и ее сил, в религиозный культ арийцев входило верование в переселение душ и поклонение душам умерших предков. Верование в переселение душ принадлежит почти всем древним рели-

гиям. Человеку трудно было примириться с мыслью, что жизнь его есть нечто временное, проявляющееся в вечности лишь на мгновение и затем исчезающее навсегда, и он создал это верование. Он верил, что жизнь, этот величайший дар природы, вечна, что она, исчезнув со смертью человека, переходит в тела других одушевленных существ и после целого ряда переселений опять воплощается в человеческом существе. Он думал, что страдания и горести настоящей жизни есть следствие несовершенства жизни предыдущей и что благодаря заслугам он может возродиться для более счастливой жизни.

Таковы были религиозные воззрения арийцев в патриархальную и воинственную эпоху их жизни.

Но период завоеваний миновал, наступило время мирной, земледельческой жизни и прочного государственного строя. Благодаря кастовому порядку высшие классы имели возможность отдавать духовной жизни больше времени, чем в предшествовавшую эпоху, и фантазия арийцев перестали привлекать грандиозные мифологические образы. Они пошли далее в развитии пантеизма, и он стал первым и последним словом всей религии индусов. Они стали представлять божество как вселенную в ее целом, как общую совокупность явлений природы, стремились отыскать божество в понятии о бесконечном. Отличаясь страстной и пылкой фантазией, к которой впоследствии присоединилось горькое разочарование в земной жизни, арийцы стали искать в жизни только то, что считали в ней непреходящим, неизменным, стали представлять ее только призраком бытия и прониклись мыслью о ничтожестве человеческой жизни.

Выразителями и истолкователями этих пессимистических взглядов на жизнь были брамины.

По их учению, истинное, действительное бытие заключалось только в единой всеобщей сущности, в мировой душе, бесконечной и неизменной, Брахме; в нем был центр и источник бытия; вне Брахмы были только иллюзия, обман, заблуждение, и любое отдельное существование было лишено всякого самостоятельного смысла. От этой мировой души все происходит, и к нему все возвращается. Душа человека тождественна мировой душе и является частицей этой души, ее изливанием, и главным желанием человеческой души должно быть стремление возвратиться к своему первоначалу путем нравственного усовершенствования; в противном случае душа никогда не освободится от переселений из одной телесной оболочки в другую.

По учению браминов, Брахма заключал в себе три начала – начало творческое, начало сохранения и начало разрушения – Брахму, Вишну и Шиву. Эта тройственность в браминской теологии известна под именем «Тримурти». Все в мире совершалось по законам, установленным Брахмой или, скорее, Тримурти, но время от времени порядок нарушался, и тогда для восстановления гармонии божество воплощалось и сходило на землю под именем Кришны. Воплощения эти имели различные причины: иногда они совершались для того, чтобы исправить расстройство в видимой материальной природе, иногда – чтобы направить жизнь человеческую к ее целям или же искоренить зло, воцарившееся среди человечества.

Доктрина браминов всецело царил над умами арийцев, и все их усилия устремлялись к достижению нравственного и религиозного идеала – соединению с Брахмой. Путиями к соединению с Брахмой, по учению браминов, служили или подвиг, умерщвление плоти физическими истязаниями, или созерцание, то есть стремление путем разного рода мистических обрядов прийти к растворению души в сущности Брахмы. Впрочем, надо заметить, что то и другое было только достоянием касты браминов, потому что они только могли надеяться на соединение с мировой душой, члены остальных каст могли рассчитывать только на возрождение в браминской касте или же в одной из высших, и на них лежала только обязанность исполнять предписания, данные браминами.

Заметим здесь, что вышеупомянутые религиозные воззрения принадлежали преимущественно двум высшим кастам; простой народ менее ревностно относился к этому культу. Метафизические воззрения браминов были ему чужды, и он продолжал придерживаться древнего культа обожания природы; занятый непосильным трудом, он не имел времени вникать в отвлеченные тонкости браминской теологии, и в то же время, находясь в постоянном общении с природой и чувствуя на каждом шагу ее влияние и могущество, он из среды древних богов выбрал тех, которые наиболее отвечали его желаниям и потребностям.

Народ, как было сказано, уже пережил воинственный период своей истории и перешел к мирному возделыванию полей – и он забыл воинственного Индру и стал призывать Вишну, бога земли и света, приход которого регулировал времена года и который совместно с другим богом, Гора, считался покровителем земледелия. Но верование в переселение душ проникло глубже в сознание народа, и вследствие этого он, подобно высшим кастам, безропотно покорялся предписаниям браминского ритуала, хотя значение этого ритуала было для него темным. Он с кротостью совершал тяжелые покаяния, приносил бесчисленные жертвы (необходимых жертвоприношений, по Ману, было пять разрядов; совершение этих жертвоприношений считалось обязательным для каждого, и притом каждое утро и вечер), одним словом, исполнял все предписания браминов в надежде улучшить свое будущее бытие, возродиться при лучших условиях в будущей жизни. Предписания же браминов доходили до мелочей и касались не только духовной, но и физической жизни арийца, например, ими было предусмотрено, какая пища, одежда и даже постель и способ приготовления этой постели должны соблюдаться в той или другой касте.

При малейшем нарушении этих предписаний каждый рисковал возродиться в низшей касте и при самых тяжких условиях новой жизни, и подобная оплошность могла быть искуплена только путем строгих и жестоких покаяний.

Разумеется, эта бесконечная неутешительная перспектива беспрестанных возрождений при тех же самых плачевных условиях страшила народ и лежала на нем, и без того уже задыхающемся под давлением системы каст, тяжелым бременем, и народ постепенно слабел, и стремление к покою, общее племенам жаркого пояса, выразилось в нем особенно сильно и подавляло в нем все остальные чувства. Этот народ, противно всем законам человеческой природы, инстинктивно боящейся, как злейшего врага, смерти, страстно жаждал ее, его пугала возможность «прожить еще сто долгих зим» и приводила в отчаяние необходимость и неизбежность перерождений, а стало быть, новой жизни, новых страданий, новых мучений. Идеалом народа сделалось стремление покинуть этот мир, который был, по его мнению, бездной, преисполненной зла и страданий.

Подобное мировоззрение кажется, пожалуй, еще более странным, когда мы узнаем правила нравственности, приводимые в Законах Ману. Эти правила также тесно связаны с религией и считались откровением божества. Они отличаются в некоторых случаях кротким и снисходительным характером. Из них первое место занимают любовь и уважение ко всем живым существам, что было следствием верования в переселение душ. Законами Ману счастье обещается тому, кто щадит жизнь животных, причем браминам предписано пользоваться такими средствами пропитания, которые не соединены с вредом для одушевленных существ или которые причиняют им как можно меньше зла. Эта заботливость доходит до того, что браминам запрещено даже раздавливать без всякой причины глыбы земли и срывать травы. Тем более следует воздерживаться от причинения людям зла. «Никогда не следует показывать дурного расположения духа, если бы мы даже были обижены, ни стараться вредить другим, ни даже помышлять об этом; не должно произносить ни одного слова, которое могло бы кого-нибудь оскорбить». «Тот, кто кроток, терпелив, чужд общества злых, получит доступ на небо за свою любовь к ближнему». «Кто прощает брань огорчен-

ным людям, почтен на небе. Кто мыслит о мщении, тот потерпит наказание». Вот некоторые черты морали браминов, приводимые в Ману. В других рекомендуется сострадание к несчастью и уважение слабости. «Дети, старцы, бедные и больные, – говорит Ману, – должны считаться властелинами земли». Женщине, как существу слабому, также должно быть оказываемо уважение. «Везде, где женщины пользуются уважением, там общество удовлетворено»; в противном случае все благочестивые дела напрасны. Но надо заметить, что Ману же дает относительно женщины и другие постановления, вызванные сознанием слабохарактерности женщин. «Женщина никогда не должна вести себя как ей хочется». «Женщина никогда не должна исполнять своего желания, даже в своем доме». Наконец, женщина называется не чем иным, как только собственностью мужа, и притом это право выражено в очень грубой форме: женщина уподобляется полю, а засев и урожай принадлежат владельцу поля. По Ману же мы можем представить себе и семейные отношения индусов.

«Муж составляет одно лицо со своей женой». «В каждой семье, в которой муж нравится жене, а жена мужу, счастье упрочено навсегда». Союз девушки с юношей, основанный на обоюдном согласии, называется браком небесной гармонии. Жене предписывается любить и уважать своего мужа и по смерти его не произносить даже имени другого мужчины, и за это ей обещается полное блаженство в будущей жизни. Вот взгляд арийцев на отца и мать: «Отец изображает собой творца вселенной, мать изображает землю». «Отец, – говорится в другом месте, – достойнее ста наставников, мать достойнее тысячи отцов; для того, кто не уважает их, всякое благочестивое дело не имеет никакого значения. Вот в чем заключается главная обязанность, всякая другая является уже второстепенной».

Мы привели несколько черт нравственности, касающихся всех классов народа. Посмотрим теперь, какова была нравственность двух высших каст. Мы знаем, что законы Ману приписывали браминам самые высшие нравственные качества и, между прочим, рекомендовали им избегать всяких мирских почестей и находить унижение столь же приятным, как амброзия, но это притворное смирение скоро заменилось самой наглой надменностью. Рождение брамина стало считаться священным событием – это воплощение справедливости; он – самодержавный властелин всех существ; все, что находится в мире, все составляет его собственность, он имеет право на все существующее. Остальные люди пользуются земными благами только благодаря великодушию брамина. Наконец, брамин, будь он учен или неучен, есть могущественное божество. Но брамины сами по себе не были в состоянии защищать свои преимущества, поэтому они освятили религией и сделали священными преимущества касты воинов и взамен этого требовали от последней себе поддержки. Но, принимая защиту воина, брамин все-таки не признавал его себе равным. Вот как говорит об этом Ману: «Брамин десяти лет, а кшатрий ста лет считаются один – отцом, а другой – сыном, и из них брамин есть отец, и к нему должно питать сыновнее уважение».

Итак, брамины неограниченно господствовали над народом; но, несмотря на это, правление в Индии было не теократическое, а монархическое, хотя власть царей и ограничивалась влиянием тех же браминов. Индусы смотрели на царя как на божество в образе человека. По их верованиям, верховное существо создало царя из частиц богов Индры, Анилы, Сурии, Ямы, Агни и других божеств, и вследствие этого царь как существо, созданное из сущности главнейших богов, превосходит остальных смертных. О монархе нельзя отзывать презрительно, хотя бы даже он был ребенком, и говорить о нем: «Ведь это простой смертный». Но и божественное происхождение не освобождало царей от почитания браминов. Царь обязан был свидетельствовать им свое почтение, как только встанет ото сна, должен был сообщать им обо всех своих делах, доставлять им пропитание и отдавать часть от всех приношений. Если царю доставалось какое-нибудь сокровище, то половина его принадлежала браминам, если же браминам – то они имели право оставить себе все. Собственность браминов в случае смерти и неимения наследников переходила к браминам, но ни в

каком случае не к царю, точно так же за неимением наследников у кого-либо из лиц других каст наследство поступало в пользу браминов. Имущество браминов было священно, царь не мог его касаться, даже в величайшей нужде он не должен брать подати с брамина.

Все эти правила сопровождаются самыми страшными угрозами тем, кто отважится притеснять людей, «способных в своем гневе образовать другой мир и другие страны мира и превратить богов в смертных». Таким образом, цари были в руках браминов, и их власть касалась только двух низших каст, лишенных всякой свободы и всякого влияния. Царь должен был принуждать их исполнять свои обязанности, потому что если бы они хоть на минуту уклонились от исполнения этих обязанностей, то были бы виной разрушения мира. Низшие касты должны были беспрекословно исполнять свои обязанности, потому что творец отдал весь род человеческий под защиту браминов и кшатриев. Вайшье, например, ни в каком случае не должна приходиться в голову мысль: «Не хочу ходить за скотом». Это была его обязанность, и он должен был исполнять ее. Шудра же даже не имел права владеть собственностью: он был раб, а так как раб не имеет никакой собственности, то у него нет ничего, чем бы господин его не мог завладеть.

Понятно, что при такой социальной системе, основанной на деспотизме и рабстве, на всех ступенях общественного строя охранительным началом служило наказание, и действительно наказание прославляется и превозносится наравне с божеством. «Наказание есть могучий властелин, оно искусный правитель, мудрый применитель законов, в нем лучшее ручательство в исполнении четырьмя кастами их обязанностей. Наказание управляет человеческим родом и покровительствует ему; оно бодрствует в то время, когда все спит, наказание есть сама справедливость». «Наложенное осмотрительно и кстати, оно доставляет людям счастье, но, примененное неосторожно, совершенно его парализует». «Если бы наказание не исполняло своей обязанности, мир пришел бы в смятение, все преграды [между кастами] были бы низвергнуты». И древнее законодательство не скупится на самые страшные и строгие меры наказания – смертная казнь, лишение какого-либо члена тела, изгнание, конфискация имущества играют между ними преобладающую роль.

Как мы видим, в основных чертах морали браминов смешиваются самым странным образом ужаснейший деспотизм и порабощение низших каст с трогательными началами учения, страшнейшие угрозы – с правилами, твердящими о сострадании.

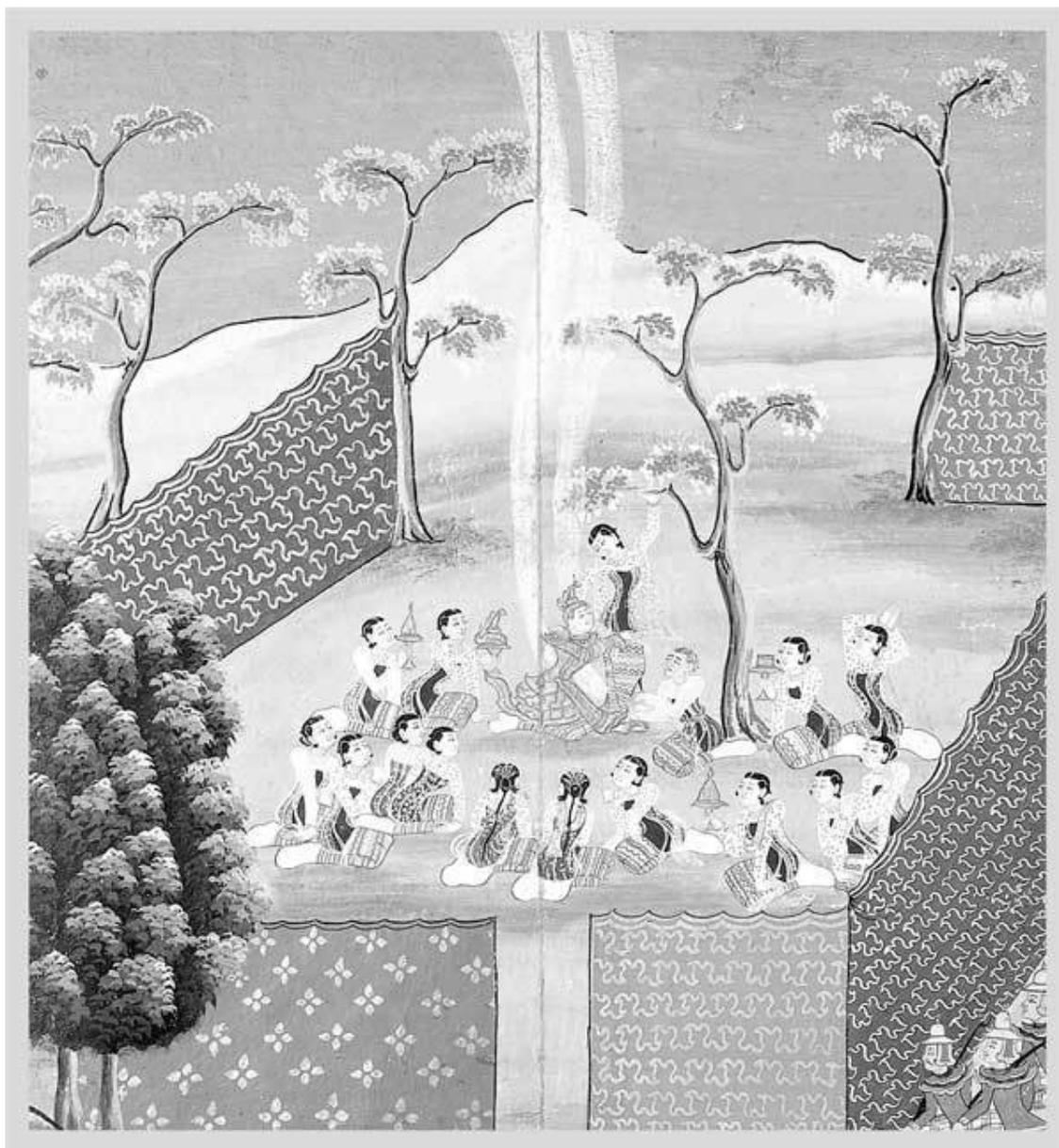
Преобладающей идеей в учении браминов была, как мы знаем, идея о ничтожестве земной жизни и о соединении с вечным – Брахмой. Подобное мировоззрение создало среди браминов характерное явление – отшельничество. Оно было очень развито в Индии и пользовалось большим сочувствием со стороны всего общества, потому что идеи страданий и освобождения от них были близки всем классам арийского общества. Сначала одни только брамины, а со временем люди других каст, всецело отдавшиеся идее желанного освобождения от влияния на душу всего чувственного, разрывали связи с миром и удалялись в уединение, где подвигами суровой жизни стремились заблаговременно приготовить себе блаженство в будущей жизни. Нередко сами цари на склоне лет оставляли свое завидное положение и в тиши лесов предавались благочестивым размышлениям. Отшельники были священны в глазах народа, и он охотно доставлял им пропитание. Цари и вельможи также покровительствовали им и осыпали щедрыми подаваниями.

Конечно, при таких благоприятных условиях число отшельников быстро увеличилось во всей Индии. Они разделились на несколько групп: одни, произвольные труженики, налагавшие на себя всевозможные более или менее тяжелые истязания, – например, они сидели продолжительное время между четырьмя пылающими кострами или с постоянно воздетыми к небу руками, спали на горячем пепле или на утыканной гвоздями доске, выдерживали долгий и строгий пост и т. д.; другие – созерцатели, искавшие покоя в бездействии духа

и тела; третьи – соединявшие и мученические истязания, и созерцание; четвертые – скитальцы, бродившие по деревням и эксплуатировавшие суеверие народа разного рода гаданиями и фокусами.

Главный приют отшельников был в Магадхе. Отшельники жили в ущельях и пещерах горы Гридракута, находившейся в окрестностях города Радушагрихи, в лесах, простиравшихся на юг и юго-восток от Радушагрихи до города Гаи, развалины которого известны под именем Будда-Гаи, и по берегам реки Ниранотжиры; в лесах обитали преимущественно пустынноики-созерцатели. Образ жизни отшельников был различен – некоторые из них придерживались полного уединения и тщательно избегали всякого сближения с остальным миром; иные старались держаться вблизи друг друга и время от времени собирались для бесед; третьи жили общинами по строго установленным правилам.

Как было сказано, отшельничество явилось результатом мрачных воззрений на жизнь человека, проповедуемых браминами, и, в свою очередь, послужило началом действий, направленных против основных догматов учения браминов. Среди отшельников некоторые, обладавшие выдающимся и критическим умом, не удовлетворялись началами браминской теологии, философии и морали; постепенно они выработали свои новые философско-религиозные доктрины. Конечная цель этих новых школ была той же, что и у браминов, то есть стремление к счастью в этой и загробной жизни, приучение души относиться бесстрастно к явлениям жизни и таким образом освободить душу от переселений. Но они расходились с браминами в средствах достижения этой цели.

Царица Майя, остановившись на пути в родительский дом, чтобы полюбоваться на цветущие деревья в саду, родила сына

Из этих новых философских школ, сбросивших с себя схоластические путы брахманизма и отвергнувших его мертвящую ум и сердце обрядность, мы укажем только на философию Санкхьи, основателями которой были Капила и Патанджали, потому что их философия имеет некоторые сходные черты с учением Шакьямуни. Философия Санкхьи являлась рационалистической реакцией на чрезмерные требования браминов, она нападала на учение браминов о Тримурти, не признавала значения жертвоприношений и внешней обрядности, критически относилась к теологии и авторитету Вед, доходила даже до отрицания существования богов, которым адресовались жертвы, и сильно подорвала значение браминской касты учением, что каждый человек, к какой бы касте он ни принадлежал, может освободить свою душу от переселений.

По учению Капила и Патанджали, душа существовала сама по себе, она была отлична от природы, явления мира не производились ею и не касались ее, они были делом верховного существа, душа же являлась только орудием его. Чтобы освободиться от переселения, душа должна постигнуть эту истину, и тогда она может относиться к явлениям жизни совер-

шенно равнодушно, и хотя волнения мира не могут не восприниматься чувством, сознанием, разумом, но в душе, постигшей истинное познание, все эти волнения отражаются как образ в кристальной воде, нисколько не волнуя ее. По смерти тела душа, сознавшая свое отличие от природы, освободится от всех вещественных уз как чуждого ей начала и не возвратится в циклический круг переселений, но перейдет в первобытное состояние чистого духа.

В своем развитии эта философия впадает в крайне экзальтированный мистицизм, и в этом отношении ее можно сравнить с философией мистиков всех времен и сект. Как видим, она учила, что душа может достичь освобождения только познанием, но не внешним, приобретаемым путем наблюдения, а внутренним познанием самого себя, самосозерцанием.

Мы знаем, что созерцание входило и в учение браминов как путь к духовному соединению с Брахмой, но к созерцанию они присоединили еще умерщвление плоти: чтобы достичь полного бесстрастия ко всему внешнему, видимому, они учили: «Кто, подобно слепому, видя, не видит, подобно глухому, слыша, не слышит, подобно дереву, бесчувствен и неподвижен, о том знай, что он достиг покоя». Но философия Санкхьи не признавала умерщвления плоти и стремилась достичь бесстрастия путем созерцания. Средствами для этого служило продолжительное задерживание дыхания, известное положение тела, сосредоточенное на самом себе созерцание, исключительное обращение мысли на один какой-нибудь предмет. При таком сосредоточенном положении наступает глубокий покой чувств, и созерцатель испытывает целый ряд мистических ощущений.

На первой ступени этого мистического созерцания аскет освобождался от всех земных желаний и весь отдавался одной мысли о слиянии с верховным существом – им постепенно овладевало сладкое чувство блаженства, разливавшееся по всему его существу. Затем, вследствие сосредоточенности на одной мысли и совершенного покоя, аскет начинал терять способность различать и рассуждать, он ни о чем уже не мог мыслить, кроме верховного существа. Далее он переходил в состояние полного безразличия даже по отношению к испытываемому им блаженству – в нем оставалось только неопределенное чувство физического блаженства. Наконец, исчезает и это чувство физического удовольствия, исчезает вместе с тем всякое чувство скорби и радости, и наступает глубокое самосозерцание – аскет теряет память и делается свободным от всякого страдания, от всякого чувства удовольствия и неудовольствия, – он впадает в состояние бесстрастия. При этом глубоком покое чувств душа наполняется светом, и в ней возбуждается чудодейственная сила вибути (ясновидения) и вместе с тем способность к единению с всемирным духом (йоги). От слова «единение» (йога) последователи доктрины Санкхьи называются «йогами».

Как читатель может видеть, психическое состояние индусских аскетов связано с гипнозом или сомнамбулизмом. Как известно, на сеансах гипноза экспериментатор повергает испытуемую личность в глубокий сон, заставляя ее устремлять все внимание на какой-либо предмет. Вследствие этого испытуемым субъектом овладевает психическое состояние, характеризующееся отсутствием личной воли: гипнотизер может подчинить своей воле испытуемое лицо и делать ему какие угодно внушения, и оно против желания исполняет их тотчас же или же спустя некоторое время после сеанса уже в бодрствующем состоянии. Подобным же образом поступали и поступают и индусские аскеты, только с тем различием, что они соединяют в одном лице и гипнотизера, и объект опыта, – сосредоточением мысли на одном предмете они усыпляют себя и, совершенно отдавшись созерцанию своих идей, приходят в состояние экстаза. В этом психическом состоянии аскетов значительную роль играют роль чисто патологические явления: следствия физического утомления от строгой отшельнической жизни, чрезвычайное душевное возбуждение, отзывавшееся на их нервной системе и вызывавшее в них галлюцинации слуха и зрения, неистощимую пищу которым доставляла их богатая фантазия. Такова сущность учения философской школы Санкхьи. К этой школе принадлежала при Шакьямуни философия Ниргранта.

Кроме этих школ, были школы философии Ньяйя Гаутамы и продолжателя его Канады, эпикурейская школа локаята и другие.

В начале V века до Р. Х. в Индии появилась новая философско-теологическая доктрина, выделившаяся из браминизма: это доктрина Сиддхартхи Гаутамы, известного более под именем Шакьямуни (что значит «мудрец из рода Шакьев») или Будды – наименование, данное ему впоследствии восторженными последователями и означающее человека, превосходящего всех остальных людей своими умственными, нравственными и даже физическими качествами. Таких будд до будды Гаутамы насчитывается у буддистов до 94, и все они являются не чем иным, как заимствованным из верований браминов воплощением Брахмы под видом Кришны.

Глава 1

Жизнь Шакьямуни до открытия им основ учения

Место рождения Шакьямуни, его генеалогия, рождение, детство, воспитание. – Вступление в брак. – Нравственный кризис. – Причины его, по буддийским и историческим данным. – Шакьямуни-отшельник. – Его жизнь в отшельничестве. – Открытие им основных истин учения

На северо-западе от царства Кошала, между непальскими предгорьями Гималаев и средним течением реки Рапти, на восточном берегу незначительной речки Рохини, притока Рапти, находилось небольшое царство Капилавасту с главным городом того же имени. Оно лежало на плодородной равнине, орошаемой бесчисленными речками и потоками, стекавшими с вершин Гималаев.

Этим незначительным царством владел род Шакьев, еще в древние времена эмигрировавший сюда с дельты Инда.

Цари Шакьев, гордость которых вошла в поговорку, вели свою генеалогию от царя Икшвакулы, сына законодателя Ману, и в числе своих предков насчитывали даже одного святого мудреца по имени Готама. От него они приняли свое фамильное прозвание Гаутама (Гаутама значит «происходящий от Готамы, готамид»).

Страна Шакьев, управляемая мудрыми и справедливыми царями, достигла очень высокой степени благосостояния и процветания. Главное ее богатство составлял рис, в изобилии произраставший на плодородных полях страны с ее богатым естественным орошением.

В стране среди великолепных бальзаминных лесов всюду пестрели желтые поля риса. Многочисленные селения лежали среди этих полей, скрываясь в темной зелени магнолий и тамаринд. Бесчисленные торговые пути пересекали это царство и благодаря постоянному приливу караванов еще более увеличивали ее благосостояние и богатство.

Во второй половине VI века до Р. Х. в этом благословенном уголке земного шара правил славившийся своей справедливостью царь Шуддходана. «Царь закона, он управлял по закону. В стране Шакьев не было ни одного царя, более почитаемого и уважаемого всеми классами его подданных», – говорят про него летописи.

Первая, главная жена Шуддходаны обладала необыкновенной физической красотой и выдающимися нравственными и умственными качествами. За красоту ее прозвали Майя, что значит «призрак», «иллюзия».

В 623 году до Р. Х. у Майи родился сын, ребенку дали имя Сирватасиддхартха, сокращенно Сиддхартха, что значит «совершенный во всех вещах».

При его рождении, разумеется сопровождавшемся различного рода чудесами, на изобретение которых не поспешила фантазия буддистов, один отшельник по имени Асита предсказал, что новорожденному предстоит в будущем высокая судьба быть властелином всего мира, если он избрет светскую жизнь, или «совершенным, великим» Буддой, если он отречется от мира. Предсказание это Асита сделал на основании найденных им на теле новорожденного 32 главных знаков и 80 второстепенных, характеризующих, по народным воззрениям, великого человека.

Предсказание Аситы произвело сильное впечатление на родителей Сиддхартхи и послужило источником тревог и беспокойства для честолюбивой души Шуддходаны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.